

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Я.Г. Риер (г. Могилев, РБ)

ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В современной историографии рассмотрение истории как процесса возникновения, сосуществования и исчезновения цивилизаций стало общим местом. В поисковиках интернета можно найти сотни вариантов использования этого термина, порой самых неожиданных и далеких от собственно истории. Зачастую историки, а чаще публицисты, употребляют этот термин всуе, называя цивилизациями самые разные образования и настолько его затаскали, что появились предложения о ненаучности не только термина, но и вообще цивилизационного подхода [1].

В моем понимании *локальные цивилизации* (в отличие от глобальной, определяющей человеческое развитие после первобытности) – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших условия жизни людей. При таком подходе в равной степени сочетаются антропогенные (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты – географическая среда, система хозяйства, устройство быта, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность, при изучении которых нельзя заранее устанавливать субординацию между ними. Последнее считаю ключевым моментом, ибо сколь сложно любое человеческое сообщество, столь разнообразными должны быть и его характеристики. Представляется, что для корректного поиска цивилизационных критериев надо обратиться к истокам, к самому процессу формирования различных человеческих сообществ.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в течение всей доиндустриальной эпохи, т.е. от становления человека как вида (3-5 млн лет назад, по разным данным) и вплоть до начала западноевропейского промышленного переворота в XVIII в., то есть на протяжении почти всей человеческой истории, главным и даже определяющим фактором существования и развития людских сообществ была природа, географическая среда. Она определяла форму существования: быт, способ добычи пропитания и характер складывавшихся при этом социальных порядков и структур.

Там, где природа не требовала от человека существенных усилий для поисков пищи, сооружения укрытий от непогоды, обогрева, там первобытная организация сохранилась вплоть до недавнего прошлого или даже до наших дней (жители Меланезии и Полинезии, бассейн Амазонки, африканских джунглей). Прямо противоположной была история северных племен, вся энергия которых тратилась на выживание (эскимосы, чукчи и другие). В итоге и они без помощи извне не вышли из первобытности. На остальных пространствах обитания человеческих сообществ природные условия сказались хотя и не столь критично, но тоже весьма существенно.

Сложившиеся в степях скотоводческие сообщества на многие даже не столетия – тысячелетия сохранили сложившийся еще в неолите тип хозяйства и соответствующую ему социальную организацию. Лишь позднейшие контакты с оседлыми земледельцами способствовали некоторому, хотя и очень незначительному прогрессу кочевников. Яркий пример – военно-политическая организация средневековых монголов. Но и у них она оказалась лишь временным всплеском, зигзагом исторического пути, больше повлиявшим на жизнь соседей, чем на собственную.

Противоположный пример – венгры, волею судьбы вынужденные, придя в Паннонию, перейти к оседлости из-за невозможности жить кочевым укладом на ограниченной территории.

Не менее зависели от природной среды и земледельцы. При этом географическое разнообразие Земли породило разнообразие земледельческих сообществ, постепенно сложившихся в специфические локальные цивилизации. Начальный этап формирования и существования самых ранних цивилизаций (IV–III тыс. до н. э.) происходил в сходных географических условиях: в долинах крупных рек ледникового происхождения. Жаркий климат во всех первичных очагах земледелия позволял, во-первых, затрачивать минимум усилий для организации быта (жилища, обогрева, одежды), во-вторых, добывать пропитание, причем в достаточных количествах практически постоянно, но лишь при условии регулирования водного режима. Так возникли основные древние цивилизации Востока: в Египте, Месопотамии, Индии и Китае. Необходимость ирригации потребовала создания централизованной организации. Соседство плодородных речных долин со степями – местом обитания кочевников – также способствовало централизации древних цивилизаций. Ибо примитивное хозяйство кочевников порождало в них зависть и агрессивность, что в сочетании с подвижностью способствовало постоянной военной активности.

Таким образом, создание централизованных государств на Древнем Востоке было предопределено природой и соседством с кочевниками. Необходимость консолидации ресурсов породила обширные государственные образования, что отрывало власть от контроля, существовавшего в позднепервобытном обществе. Обычное право переставало действовать. Для правителей открывалась возможность использовать оказавшиеся в их распоряжении ресурсы не только для общего блага, но и в личных интересах. Централизация закрепила общинные, коллективные формы земледелия и землепользования, не успевшие развиться в частные. Индивиды лишались гарантированной собственности, что и породило деспотизм, ставший "визитной карточкой" всех восточных цивилизаций. В таких условиях личность не выделялась из коллектива, в котором она только и могла обрести некую защиту. Частная собственность на землю, которая всё же формировалась из монарших дарений, пожалований, складывалась только в среде приближенных к власти, то есть у высшей прослойки господствующего сословия, причем как дополнение к правам на сбор налогов. Собственность же остальных была редкой, неполной, подверженной произволу, что отрицательно влияло на хозяйственную инициативу, вело к застою и цикличности в развитии цивилизаций Востока. Отсутствие гарантий личности распространялось даже на знать. Да и критерии выделения в правящий слой были субъективны. Богатство создавалось не из собственности и ренты с нее, а от перераспределения налогов, что вело к коррупции и, в итоге – к нерациональному проеданию огромной доли производимых богатств. Хозяйственная самостоятельность не поощрялась.

По иному сложилась западная цивилизация. Истоки ее уникальности следует искать на юго-востоке нашего континента, в географических особенностях, породивших древнегреческую цивилизацию. Географические особенности Балкан не требовали создания крупных земледельческих хозяйств со сложными ирригационными системами, характерными для других очагов древнейших цивилизаций. Мелкоконтурные гористые ландшафты с концентрацией разнообразных почвенных и растительных условий на компактных территориях способствовали и даже

делали необходимым ведение поликультурного сельского хозяйства. Ограниченность пригодных для использования площадей и близость богатыми ресурсами моря стимулировали вовлечение в мореходство значительной части сельского населения. Раннее развитие у греков-дорийцев железодельной индустрии, наряду с проблемой нехватки сельскохозяйственных угодий способствовали и общему прогрессу ремесленного производства, продукция которого была необходима для обмена на зерно, коего у греков не хватало. Отбирать же ресурсы у первобытной периферии, как это делали древние деспотии, греки не могли из-за ограниченности людских ресурсов.

Рост торговли и денежного обращения оттеснил от центра развивавшейся политической жизни традиционную земельную аристократию, усилил влияние торговцев и ремесленников. В этом можно видеть ключевой момент формирования античной цивилизации, в отличие от цивилизаций Востока. Ведущее значение приобретают не просто богатства (недвижимость, сокровища), а экономическая активность. В греческом обществе впервые возник и экономически укрепился неаграрный уклад, сложился слой людей, чье благополучие было связано не с землей, а с ремесленной и торговой деятельностью, с рыночной экономикой. А это меняло и социальные порядки. Самодостаточным становился индивидуальный, частный труд. Поскольку свободные собственники имели независимые от старой аристократии источники существования, традиционные позиции последней оказались подорванными. Все полноправные жители полиса получали в принципе равные экономические и политические права. При этом, в отличие от традиционных земледельческих цивилизаций Востока здесь не сложилось прямое налогообложение. Заменявшие его косвенные налоги поощряли оборот, то есть деловую активность. Так логика экономического развития, порожденная географической спецификой региона, породила и *частную собственность*, и *демократию*, без которой, как показывает наша современная история, основанная на такой собственности рыночная экономика не может успешно развиваться [2; 3, с. 33].

В том же русле поначалу развивалось и сложившееся в аналогичной географической среде древнеримское общество. Не будем, однако, углубляться в дальнейшую историю расцвета и заката античной цивилизации. Заметим лишь, что упадок и гибель ее связаны были с развитием в ней восточных черт [2, с. 167–168; 4, с. 424–425].

Вернемся в Европу, теперь уже Западную. И здесь сказалась природная обусловленность среды обитания одного из основных этнических компонентов европейской цивилизации – древних германцев. В местах их поселения – в Южной Скандинавии и в низовьях рек Рейна, Эльбы, Одера и Вислы – были распространены небольшие долины, окруженные каменистыми лесистыми возвышенностями (в Южной Швеции) или невысокими всхолмлениями среди заболоченных низин (у южного побережья Северного и Балтийского морей) [2, с. 168–169]. Такой ландшафт способствовал формированию обособленных хозяйственных анклавов, закреплявшихся за отдельными семейными общинами. Умеренный атлантический климат позволял таким семьям вполне самостоятельно, без помощи соседей (в отличие от Востока, но подобно грекам и римлянам) обеспечивать свое существование. Так еще на рубеже новой эры возникли скандинавский *одаль* и германский *аллод* – основа индивидуальной земельной собственности в средневековой Западной Европе. Напомним, что из аллода, как и из римского правового наследия, возник специфический западный феодализм, основанный на широких частных правах земельных собственников, противоположный восточному деспотизму [5]. Кстати, традиции обособленного хозяйствования, сложившиеся в силу природной обусловленности и у греков с римлянами, и у древних германцев позволили последним воспринять римское право с его суверенностью закона и признанием института частной собственности. Именно земельные держания, признаваемые сообществами в качестве наследуемой собственности и породили уникальные особенности Запада, основанные на специфике его природных условий, отличавшихся даже от центрально- и восточноевропейских.

Традиция наследуемых держаний – аллодов, с которой германцы вошли в средневековье, способствовала сохранению крестьянской хозяйственной самостоятельности даже в условиях попадания земледельцев в зависимость от новых землевладельцев – феодалов. Привычка, сложившаяся еще у древних скандинавов, закрепленная, в том числе, и в Салической правде франков (VI в.) создавала известный иммунитет *оозороженному месту* (полю, усадьбе), который вынуждены были уважать позднее и феодалы, если не хотели нарваться на крестьянское сопротивление. Поэтому в большинстве своем феодалы и не вмешивались в хозяйственную жизнь "своих" крестьян, ограничиваясь рентой. Такая практика способствовала сохранению крестьянской инициативности, передававшейся и средневековым горожанам – потомкам наиболее деятельных земледельцев. Свободные западноевропейские средневековые города придавшие динамику всей западной цивилизации [6, с. 10], также явились косвенным порождением специфических природных условий Западной Европы. Здесь нельзя не признать серьезность аргументов так называемой "географической школы" XIX в. [7, с. 7–8; 8, с. 41–42]. Конечно, специфика цивилизаций определялась множеством факторов, за недооценку которых часто эту школу критикуют. Но изначально-то что было? Человек и природа!

Подтвердим это обращением к истории становления славян. На всей территории славянского расселения долго сохранялись препятствовавшие появлению аллода сильные общины. Причины их прочности у ранних славян лежали, прежде всего, в особенностях природной среды территории их сложения. Более континентальный из-за удаленности от Атлантики климат, связанная с ним густая лесистость и меньшее число теплых дней в году порождали в условиях первобытности потребность в большей площади угодий на одного человека, то есть меньшую плотность населения. Отсюда возник иной, чем на западе континента тип ведения хозяйства, основанный на коллективном, совместном труде, особенно при подсечно-огневом земледелии. При этом рельеф, в отличие от скандинавского, не разграничивал угодья отдельных семей, позволял большим семьям сохранять общее землепользование и совместный труд на таких владениях. Обследованные археологами западнославянские поселения вплоть до конца I тыс. демонстрируют наличие единого хозяйства больших семей. Обособление индивидуальных крестьянских дворов там началось лишь с X–XI вв. и завершилось распространением в XIII–XIV в. "немецкого права", то есть под западным влиянием. Причем носителями последнего выступали правящие элиты, заинтересованные в закреплении за собой земельных владений с крестьянами. То есть, почти 500 лет у западных славян ушло на изживание возникших под природным влиянием традиций организации жизни (и в системе земледелия, и в социальных порядках).

До восточных славян западноевропейские импульсы доходили еще более ослабленными, да и то только до Поднепровья, где в результате сближения ВКЛ с Польшей в XVI в., завершившегося унией 1569 г., было юридически закреплено индивидуальное крестьянское землепользование (Устава на волюки середины XVI в.). Но преодолеть древнеславянские общинные традиции у восточных славян даже эта мера не сумела. Такова была сила традиционного уклада жизни, порожденная многовековым приспособлением первобытных людей к окружающей среде! Даже перейдя во вторую половину I тыс. на бытовом уровне к малым семьям, о чем свидетельствуют выявленные археологами жилища в 9–12 кв. м, восточные славяне все равно предпочитали вести хозяйство всем поселком, коллективно [9]. Наоборот, у располагавшихся на побережье балтов, выросших в условиях мелкоконтурного рельефа, где, как и в северогерманских землях преобладали угодья, ограниченные заболоченными низинами, сложился тип хозяйства, аналогичный скандинавскому с наследуемыми семейными наделами [10, с. 29]. И в этом видно наследие географических основ.

Таким образом, все последующее развитие европейских, как, впрочем, и других народов, опиралось на закрепившуюся в исторической памяти трудовую и социальную организации, которые сформировались в процессе приспособления к окружающим ландшафтам.

Литература

1. Шнирельман В.А. Слово о "голом (или не вполне голым) короле" // Историческая психология и социология истории. – М., 2009. – Т. 2. – № 2.
2. Риер Я.Г. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. – 2006. – Тт. XIX–XX. – С. 166–167.
3. Гайдар Е.Т. Сотворение Европы // Вестник Европы. 2004. – 2005. – Т. XIII–XIV.
4. Ферреро Г. Величие и падение Рима. – СПб., 1998. – Ч. II.
5. Филлипов И.С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема феодализма. – М., 2000.
6. Эрнандо де Сото: "Единого западного пути не существует" // Независимая газета. – 23.08.2005.
7. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. – М., 1991. – Кн. VII. – Т. 13.
8. Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. – М., 2000.
9. Риер Я.Г. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // Российская археология. – 1996. – № 1.
10. Гудавичюс Э. История Литвы. – Т. 1. – М., 2005.